

Реализация эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского

Елена Олеговна СЫЧЁВА, Анатолий Алексеевич СЕРЕБРЯКОВ

ФГОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
350001, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0780-5525>, e-mail: Lenasycheva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>, e-mail: aasereb@mail.ru

Implementation of the aesthetic ideal in the “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky

Elena O. SYCHEVA, Anatoliy A. SEREBRYAKOV

North-Caucasus Federal University
1 Pushkina St., Stavropol 350001, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0780-5525>, e-mail: Lenasycheva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>, e-mail: aasereb@mail.ru

Аннотация. Посвящено изучению эстетики Ф.М. Достоевского, в частности, эстетическому идеалу писателя. Вслед за Кантом, Гегелем, Шиллером русский писатель рассматривал идеал в антропологическом аспекте. Эстетический идеал писателя – человек, синтезирующий в себе нравственное и духовное. В теоретической мысли русского писателя звучит идея нравственной красоты. Гармония, благообразие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает эстетическим идеалом Ф.М. Достоевского. К этой красоте, истине стремятся его произведения. Вслед за образцами «положительной красоты» мировой и отечественной литературы и искусства Ф.М. Достоевский воссоздал в своих произведениях положительно прекрасных героев. Автор говорит о двойственности красоты, «двух безднах» человеческой души: «содомской» – низкой, греховной, связанной с красотой телесной, чувственной и «мадонской» – высокой, связанной с духовной красотой, человек может соединять в себе обе. Эстетический идеал писателя обращён к духовной красоте. Особый интерес представляет «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского. Именно в нём отчетливо звучит мысль об эстетическом идеале писателя. Вопрос об идеальном человеке рассматривается в контексте подземной (загробной) жизни в рассказе «Бобок» и надземном пространстве в «Сне смешного человека». В этих рассказах и обрамляющих их публицистических текстах раскрывается внутренняя динамика мировоззренческой позиции писателя: от констатации растления духа и бессмертия души («Бобок») до трагического прозрения истины («Кроткая») и к утверждению «живого» образа истины («Сон смешного человека»). В рассказе эксплицитно выражено преодоление столь мучительного противоречия между единичным и общим, между положительно прекрасным человеком и обществом.

Ключевые слова: контекст; эстетический идеал; поэтика; «Дневник писателя»; дихотомия; интертекстуальность; рассказ

Для цитирования: Сычёва Е.О., Серебряков А.А. Реализация эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Неофилология. 2020. Т. 6, № 23. С. 530-540. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-530-540

Abstract. The work is devoted to the study of F.M. Dostoevsky’s aesthetics, in particular, the writer’s aesthetic ideal. Following Kant, Hegel, and Schiller, the Russian writer considered the ideal in an anthropological aspect. The writer’s aesthetic ideal is a person who synthesizes the moral and spiritual in himself. The idea of moral beauty is expressed in the theoretical thought of the Russian writer. Harmony, comeliness serve only as an outer shell, when moral height appears as the aesthetic ideal of F.M. Dostoevsky. His works strive for this beauty and truth. Following the

examples of “positive beauty” of world and domestic literature and art, F.M. Dostoevsky recreated in his works positively beautiful characters. The Russian writer speaks of the duality of beauty, the “two abysses” of the human soul: “Sodom” – low, sinful, connected with the beauty of the body, sensual, and “Madonna” – high, connected with spiritual beauty, a person can combine both. The writer’s aesthetic ideal is turned to spiritual beauty. Of particular interest is the “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky. It is in this work that the writer’s idea of the aesthetic ideal clearly expressed. The question of the ideal person is considered in the context of underground (afterlife) life in the story “Bobok” and above-ground space in “The Dream of a Ridiculous Man”. In these stories and journalistic texts framing them, the internal dynamics of the writer’s worldview position are revealed: from stating the corruption of the spirit and immortality of the soul (“Bobok”) to the tragic insight of the truth (“A Gentle Creature”) and the affirmation of the “living” image of truth (“The Dream of a Ridiculous Man”). The story explicitly expresses the overcoming of such a painful contradiction between the individual and the general, between a positively beautiful person and society.

Keywords: context; aesthetic ideal; poetics; “A Writer’s Diary”; dichotomy; intertextuality; story

For citation: Sycheva E.O., Serebryakov A.A. Realizatsiya esteticheskogo ideala v «Dnevnikе pisatelya» F.M. Dostoyevskogo [Implementation of the aesthetic ideal in the “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 23, pp. 530-540. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-530-540 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В преддверии 200-летнего юбилея со дня рождения великого русского писателя Ф.М. Достоевского учёные с ещё более пристальным вниманием обращаются к его творческому наследию, обнаруживая в нём новые грани духовных прозрений классика. Современное достоевсковедение, руководствуясь принципами целостного изучения индивидуально-авторской картины мира писателя и отказавшись от устоявшихся идеологических клише, выработало новые, основополагающиеся на принципах антропоцентризма, исследовательские подходы к внутреннему миру его художественных произведений. Так, совершенно правомерно на первый план выдвигается выявление и изучение метафизических, онтологических аспектов текстов и идиостиля Ф.М. Достоевского в синхронии и диахронии независимо от их жанровой структуры.

Эстетический идеал в поэтике Ф.М. Достоевского имеет важное значение. По мнению писателя, без идеала не может существовать ни настоящее искусство, ни достойное общество [1, с. 75]. В эстетической концепции русского писателя можно выявить восходящие к немецкой идеалистической философии (Кант, Шиллер, Гегель) воззрения. Вслед за немецкими философами Ф.М. Достоевский опирался на антропологический принцип, изучающий природу и сущность человека. Эстетический идеал Канта – личность, синтезирующая в себе морально-нравственные и

божественные качества. В концепции Ф.М. Достоевского превалирует мысль о нравственной красоте. Гармония, благообразие служат лишь внешней оболочкой, когда моральная высота предстает главной в эстетическом идеале Ф.М. Достоевского. К этой красоте, истине устремлено внутреннее содержание, смысл его произведений.

Ф.М. Достоевский глубоко понимал и ценил традиции мировой и отечественной литературы и искусства, в которых находил «положительную красоту» человека: Библия, философия Платона, итальянская живопись эпохи Возрождения, гуманизм Сервантеса и Шекспира, Гюго, всемирность России и поворот к народу у Пушкина, народность и духовные идеалы у Гоголя. Ему удалось воссоздать в своих произведениях положительно прекрасных героев: князь Мышкин, Алёша Карамазов, мужик Марей и др. Красота, по мнению Ф.М. Достоевского, это страшная, ужасная и таинственная вещь. Таинство её заключается в двойственности – «двух безднах» человеческой души: «содомской» – низкой, греховной, связанной с красотой телесной, чувственной и «мадонской» – высокой, связанной с духовной красотой, человек может соединять в себе обе. Внутреннюю пустоту и бездуховность персонажа не спасает даже внешняя, «правильная» красота. И эту красоту, бытийную ценность Ф.М. Достоевский стремится отыскать в каждом индивидуе, выявляя в сиюминутном вечное, бес-

смертное. Исследование направлено на выявление и описание художественного своеобразия эстетического идеала Ф.М. Достоевского в художественных текстах, входящих в состав «Дневника писателя», их роли в контексте творчества писателя и для понимания авторской концепции личности.

Методологически значимыми для выявления художественного своеобразия эстетического идеала и образной системы в художественных текстах «Дневника писателя» представляются междисциплинарный и интертекстуальный подходы. Как уже отмечалось нами ранее [2, с. 189], в XX веке в достоевковедении доминировали психологический и культурологический подходы, которые оставляли вне поля зрения метафизическое, экзистенциальное пространство художественных текстов Ф.М. Достоевского. Проблема целостного восприятия индивидуально-авторской картины мира в процессе изучения творчества Ф.М. Достоевского остаётся одной из главных методологических установок в современных исследованиях. Так, Т.А. Касаткина фиксирует характерный для эпистемы XXI века. Для глубокого понимания содержащихся в текстах писателя смыслов Т.А. Касаткина предлагает использовать субъект-субъектный метод, «при котором познающий вступает с познаваемым в равноправное взаимодействие» и выявляет в познаваемом не внешние признаки, «а его внутреннюю жизнь и самоощущение как *уникального целого* (курсив автора. – Е. С., А. С.)» [3, с. 12]. Учёному удалось продемонстрировать двусоставную структуру образа у Достоевского, когда «внешний образ текущей реальности позволяет внимательному взгляду увидеть *в этой же реальности явленный* (курсив автора. – Е. С., А. С.) образ вечности» [4, с. 421]. Предложенные Т.А. Касаткиной гносеологические ракурсы позволяют увидеть глубинную структуру образной системы Достоевского в совокупности смысловых переплетений с их публицистической, а следовательно, и актуальной для российской и европейской реальности компонентой.

Исследования отечественных литературоведов говорят об уникальности такого явления в творчестве Ф.М. Достоевского, как «Дневник писателя». В связи с тем, что

«Дневник» создавался публицистом и художником, в равной мере бесспорным остаётся факт парадоксальности данного феномена, связанного с его жанровой составляющей. Уже М.М. Бахтин выявил его двойственность: как феномен отечественной журналистики и «как особое художественное целое, обладающее героями и полифонически организованным внутренним миром» [5, с. 92]. Журналистский тон, по мнению М.М. Бахтина, предстаёт лишь оболочкой, внешне напоминая публицистику и воспроизводя онтологические модели человеческого поведения. Его синтетическая природа проявляется в органической соотнесенности двух компонентов: публицистичности и художественности, реализующихся в синхронии и диахронии.

Обращение к публицистике далеко не случайно. Ф.М. Достоевский отмечал, что художественное произведение, как бы ни было приближено к действительности, с ней полностью не соотносится – «что бы вы не изобразили – всё выйдет слабее, чем в действительности» [6, с. 144]. «Дневник писателя» – это интеллектуально-духовная летопись российской жизни, осознанная и переосмысленная гениальной творческой личностью.

Показать народу его духовное состояние, повлиять на развитие истории и социума мог рассказ, дневник, включённый в журнал, который, благодаря своей компактности и актуальности, органичнее постигался широкими массами. Простота повествования, разговорные интонации помогают апеллировать к демократическим читательским кругам. Сюжеты, которые брались писателем из реальной российской действительности, приближали «Дневник» к современной общественной ситуации. В нём говорилось о самых злободневных вопросах: положении народа, доминирующих в Европе и России идеях, самоубийстве, пьянстве, бедности и др. Писатель выступал как живой свидетель и участник происходящего.

Изучение малой прозы, входящей в «Дневник писателя», является актуальным. Т.А. Касаткина в фундаментальной монографии «Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания» (2019) отметила актуальность внутренней философии «Дневника писателя» для совре-

менного читателя. По мнению учёного, целью Ф.М. Достоевского при написании произведений было «предоставить читателю новые поведенческие паттерны» [3, с. 240], которые помогли бы ему перейти на новый уровень взаимодействия с миром. «Дневник» представляет собой пространство для ответа на актуальные вопросы самоопределения, такие как: отношения с миром, самопожертвование, ничтожность и величие личности и т. д.

Изучению эстетических взглядов Ф.М. Достоевского посвящена работа К.А. Степаняна [7]. Автор анализирует представления писателя о сущности эстетического, его тождественности с духовностью. По мнению исследователя, идеал русского писателя – христианин, одолевший грех и человечество, которое достигло в результате духовной эволюции совершенства. В эстетическом идеале писателя органически объединяются нравственность понимания в русле святоотеческой традиции и прекрасное, то есть духовное. Е.А. Фёдорова констатировала, что идеал для русского писателя состоит в обладании качеств, которые присущи святому: смирение, стремление к очищению, способность к духовному сопротивлению злу [8]. Близкую позицию выражает и английская исследовательница творчества Ф.М. Достоевского Л. Иванитс: “For Dostoevsky the moral ideal toward which the good society must aspire remains, as in the 1840s, the figure of Christ” [9, p. 49].

Как отмечалось выше, Ф.М. Достоевский вслед за немецкими философами опирался на антропологический принцип. Известный немецкий славист Х.-Ю. Герик в поэтологическом сравнении поэтики Достоевского и Шиллера отметил схожесть их эстетических позиций. Антропологической основой писателей служит идеал «интеллигибельного» человека – моральной личности, находящейся под присмотром совести [10].

Вопрос о своеобразии эстетического, социального идеала Ф.М. Достоевского неоднократно поднимался и в современных философских исследованиях, причём многие существующие точки зрения представляются, по меньшей мере, дискуссионными. Так, Е.В. Мареева, рассматривая «проблему воплощения идеала у Ф. Достоевского и К. Ле-

онтьева» и приводя спорную позицию Л. Шестова о переходе Достоевского «к антиидеалу «подпольного человека»», попутно замечает: «Трактовка идеала Достоевским, безусловно, противостоит идеалам Шиллера и движения Бури и Натиска» [11, с. 400]. Нам представляется такая позиция недостаточно аргументированной, поскольку шиллеровские слова в оде “An die Freude” “Alle Menschen werden Brüder” и “Seid umschlungen, Millionen!”, как и уважительное отношение Достоевского к творчеству Шиллера («У нас он, вместе с Жуковским, в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил») [6, с. 31] в целом свидетельствуют об обратном. Ведь исследователь отмечает далее, что Ф.М. Достоевский всем своим творчеством стремится «пробуждать в душах людей нравственные, идеальные начала» [6, с. 403]. Уже в 1876 г., в связи со смертью Ж. Санд, Ф.М. Достоевский определил «величайшее из величайших назначений» России «назначение общечеловеческое, ...общеслужение человечеству» [6, с. 30].

Как показал Х.-Ю. Герик, Шиллер и Достоевский имеют «один и тот же фундамент, а именно образ интеллигибельного человека... как его понимал Кант» [10, с. 7, 8].

В диссертации В.В. Щуровой [12] акцентируется внимание на цикличности «Дневника», автор прослеживает единство точки зрения автора, развитие идей, которые последовательно проводит Ф.М. Достоевский, выделяя своеобразный художественный триптих – «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека», в котором прослеживается традиционный путь реализации эстетического идеала от «зерна» истины к полному прозрению.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве научного инструментария нами используются следующие исследовательские методы: 1) междисциплинарный и интертекстуальный подходы; 2) метод компонентного семантического анализа, позволяющий исследовать ассоциативно-смысловые аспекты внутреннего мира художественного произведения; 3) контекстологический анализ, предполагающий рассмотрение ши-

рокого духовно-культурного контекста в синхронии и диахронии.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИИ

И.Л. Волгин характеризовал «Дневник писателя» как уникальный «эго-документ», который лишь внешне напоминает личный дневник, в реальности же оказывается «актом публичного собеседования, предметом достаточно тонкой литературной игры» [13, с. 116]. По верному наблюдению К.А. Баршта, значимость «Дневника» для Ф.М. Достоевского определялась тем, «что в нём в непосредственном виде содержалась квинтэссенция его творческой деятельности» [14, с. 86]. Уникальностью «Дневника писателя» обусловлены многие трудности, возникающие в процессе понимания и интерпретации входящих в него текстов. В этом смысле конструктивный подход был предложен Т.А. Касаткиной: «Их следует анализировать в составе «Дневника писателя» (курсив автора. – Е. С., А. С.)» [4, с. 405]. Это означает, что для понимания художественных текстов в «Дневнике» необходимо учитывать внутренний контекст, «соседние страницы», поскольку «Дневник писателя» – «гораздо более цельное органическое произведение, чем представление о нём большинства достоевистов» [4, с. 412]. В свою очередь, замечает исследователь, «все основные глубинные темы «Дневника писателя» высшее и окончательное своё выражение получают в художественных текстах», поскольку такой текст «обладает возможностью многослойной концентрации смыслов» [3, с. 248, 249].

В посвящённой исследованию творчества Ф.М. Достоевского научной литературе неоднократно обращалось внимание на концептуальное значение определения фантастического. Именно в рассказах, маркированных жанровым определением «фантастический», позиция писателя раскрывается наиболее полно. Т.А. Касаткина объясняет это тем, что художественный текст «даёт возможность огромного стяжения смыслов», а «переход к «фантастическому» художественному тексту даёт возможность максимального стяжения смыслов» [3, с. 249]. И это «максимальное стяжение смыслов» обеспечивает текстам максимальную смысловую

глубину и бесконечные ассоциативные связи. В «Дневнике писателя» два произведения – «Кроткая» и «Сон смешного человека» – имеют в подзаголовке жанровое определение «фантастический рассказ». Рассказ «Бобок» такого жанрового определения не имеет, но ему предшествует глава «Влас», в которой Ф.М. Достоевский сообщает, что «слышал на днях один удивительно фантастический рассказ про другого Власа» [15, с. 33]. Для Ф.М. Достоевского фантастическое не есть невозможное, но, наоборот, реальное, хотя и редкое, «единичный случай». Автор подробно пояснял особенность своей эстетической позиции в пространном письме к Н.Н. Страхову от 26 февраля 1869 г.: «У меня свой особый взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного!» [16, с. 19].

Таким образом, и рассказу «Бобок» с его труднообозримыми ассоциативными интенциями предшествует концептуализированное в языке Достоевского понятие «фантастический рассказ».

Опубликованный в «Дневнике писателя» в 1873 г. рассказ «Бобок» вобрал в себя все знаковые темы русского писателя: вседозволенность, бессмертие души, исповедь без покаяния и др. М.М. Бахтин в «Проблемах творчества Достоевского» назвал рассказ микрокосмосом всего его творчества [5, с. 196]. В рассказе «Бобок» важно не то, как автор объясняет фантастику, а то, как фантастическое выявляет сущность происходящего, выражает тайны бытия. В художественном тексте эксплицитно выражен реальный и ирреальный (кладбищенский) мир. Задремавший герой рассказа подслушивает разговоры «покойников». Введение такого персонажа важно для столкновения мировоззренческих позиций, понятий, которые противоречат общепринятым представлениям и «обнажают» их истинную сущность. Следовательно, такой «безумный» герой раскрывает сущность жизни покойников, то есть антигуманный подход к представлению о мире.

В тексте рассказа представлены персонажи с «грязной» душой, на это указывает история каждого обитателя подземного мира. Души мертвецов принадлежат именно к этой

категории, избыточно плотской, сугубо материальной. Последние дни, отпущенные им для покаяния, они посвящают «разврату последних упований», «особому сладострастью» [15, с. 54]. Персонажи лишены представлений о духовности, о прекрасном. Уже И. Кант (1788) воспринимал «звёздное небо надо мной и моральный закон во мне» как нравственные составляющие человеческой души. Тем самым, по Канту, человеческая личность свободна и не зависит от «животной природы». Достоевский же показал результат необратимого процесса растления духа, омертвления души, отчётливо продолжая тем самым гоголевскую тему. Для персонажей рассказа смысл существования – «заголимся и обнажимся» и «ничего не стыдиться» [15, с. 52] – в абсолютном отказе от нравственной ответственности, от «морального закона во мне».

Как отмечал М.М. Бахтин, герои представляют собой бесплодные зёрна, брошенные в землю, но не способные ни умереть, ни возродиться обновлёнными [5]. Название рассказа означает зерно, плод, связанный с гаданием, ворожбой и указывающий на иные миры, знак «нежизни» [17, с. 34]. Идейный смысл рассказа «Бобок» определяется противопоставлением «телесное» – «духовное», рассматриваемым с онтологической и аксиологической позиций. Ранее отмечалось характерное для европейской философской традиции противопоставление двух сущностей в тексте Ф.М. Достоевского [2, с. 189-191]. Заданный ракурс определяет смысловое развертывание художественного текста и, в свою очередь, эксплицируется через оппозиции «временное – вечное», «моральное – аморальное», позволяя определить «онтологическое состояние и гносеологические представления человека» [2, с. 191]. Бездуховное абсолютно подавляет нравственное не только в земной жизни, но и после смерти. Как и в земном мире, персонажи находятся в плену устоявшихся меркантильных и социальных рамок, отстаивая прошлые чины, регалии и иерархию отношений: коллежский советник, генерал, барыня, «третий разряд в тридцать рублей», действительный тайный советник, лавочник. Обобщая, можно заключить, что в тексте рассказа Ф.М. Достоевско-

го материализуется метафора Ф.И. Тютчева «Не плоть, а дух растлился в наши дни...».

Остатки жизни теплятся для спасения (очищения) души. Идея спасения является доминантой всего рассказа, потому что для христианина Ф.М. Достоевского важно не столько показать падение, сколько указать путь к спасению: не «заголимся и обнажимся», как призывает один из персонажей своих соседей, а стремление к духовно-нравственному бытию.

Как было отмечено ранее, автор связывал эстетический идеал с человеком, несущим нравственные ориентиры на благо не личного, а общественного. Эстетические воззрения Достоевского рассматриваются через антиномичную позицию, типажи рассказа не соответствуют эстетическому идеалу писателя. Динамика художественного текста представляет собой движение вниз (пространственно и нравственно), олицетворяя низменные потребности героев подземелья.

Сложная вариация эстетического идеала представлена в фантастическом рассказе Достоевского «Кроткая» (1876). В основе сюжета случай, который заинтересовал писателя, а именно – самоубийство швеи, которая выпрыгнула из окна с образом Божией Матери. По мнению Ф.М. Достоевского, образ в руках самоубийцы – явление редкое, характеризующее особенный настрой личности. Тема самоубийства, по мнению Л. Аллена, характерна для поэтики русского писателя и проходит через всё его творчество [18]. Литературовед считал, что греховный поступок героя в произведениях Ф.М. Достоевского связан с метафизическими аспектами. Чаще всего таким аспектом являлся материалистический отказ от Бога («Братья Карамазовы»). В фантастическом рассказе Кроткая не вступает в борьбу с Богом, доказательством данному утверждению служит образ Божией Матери, которую она держит в руках.

Как аргументированно показала Т.А. Касаткина, смысл этого фантастического рассказа может быть постигнут только в широком духовно-культурном контексте, восходящем к Библии, рассказу «Последний день приговорённого к смертной казни» В. Гюго, пушкинскому «Демону», к содержанию обрамляющих этот рассказ публицистических текстов самого «Дневника писателя»; то есть

эти тексты являются интерпретантой рассказа. В предисловии «От автора» приводятся несколько жанровых определений: дневник, повесть, рассказ, фантастический рассказ. Фантастическое автор видит «именно в самой форме рассказа» и объясняет это сравнением с рассказом В. Гюго. Однако уже третий абзац вызывает недоумение читателя: «Дело в том, что это не рассказ и не записки» [19, с. 5]. То есть перед читателем изображается сам процесс повествования, «процесс рассказа», наррация, которая определяется нравственной позицией повествователя.

Наряду с называемым самим Ф.М. Достоевским рассказом В. Гюго ближайший контекст составляют предшествующие публицистические главы «Два самоубийства» и «Приговор» и последующие «Заповедное нравоучение» и «Голословные утверждения». Во всех названных текстах речь идёт о проблеме самоубийства.

Название произведения, как известно, характеризует героя и организует читательское восприятие художественного текста. Смысловой доминантой рассказа является морально-этическая оценка персонажа. Героиня характеризуется лексемой «Кроткий» – смиренный, безропотный (о человеке, народе). В Новом Завете встречаем соотносительность лексемы кротость с христианским идеалом. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф 5, 5), «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал 5, 22-23) и т. д.

Проблема «положительного» героя связана с амбивалентностью поведения героини. Восприятие героини трансформируется по мере развертывания художественного текста. В начале рассказа мы встречаемся с констатацией кротости героини: «...она имела вид такой робкой кротости» [19, с. 8]. Закладчик отмечает в Кроткой такие качества, как кротость и доброта, которые соотносятся с прямым идеалом русского писателя. Однако в тексте прослеживается бунт героини, который проявляется сначала в невербальной агрессии («загорелись глаза», «смолчала, но вспыхнула», «опять глаза загорелись», «опять смолчала», «лицо становилось всё дерзче и дерзче»), затем в вербальной («сказано с едкой насмешкой»). Восприятие ге-

роини представляется в сравнении её с чем-то ужасным – «Эта прелесть, эта кроткая, это небо – она была тиран, нестерпимый тиран души моей и мучитель» [19, с. 15].

Характеристика Кроткой отмечена эпитетами «буйное», «нападающее», «беспорядочное» существо, сравнением «зверь в припадке», что не соотносится с понятиями – «кротость» и «смирность». Дихотомия образа Кроткой связана с соответствием/несоответствием прямому значению лексемы. В дальнейшем, в романе «Братья Карамазовы» автор высказал идею двух бездн души: высокая – духовная, низкая – греховная.

Двойственность поведения Кроткой хорошо видна в главном эпизоде – самоубийстве, которое представляет и грех, и, по мнению Ф.М. Достоевского, «какое-то кроткое, смиренное самоубийство... просто – стало нельзя жить, Бог не захотел, и – умерла, помолвившись» (смирная) [19, с. 31]. Для Л. Аллена протест Кроткой не направлен «ни против Бога, ни против Творения, он является криком о помощи, сигналом бедствия» [18, с. 230].

О.Ю. Юрьева считает, что лейтмотивом рассказа является конфликт двух эгоистов, у каждого свой бунт [20]. У Закладчика – бунт с обществом, у Кроткой – с мужем. Поединок героев представляет собой доминанту рассказа. В образе Закладчика присутствует та же дихотомия. Идеал, к которому стремится герой, весьма положителен: семья, любовь, деятельность, но гордость, жажда мщения и жизнь «вдали от всех» не характеризуют его как нравственный идеал. В конце рассказа мы встречаемся с рефлексией Закладчика, исповедью, которая даёт ему шанс на воскресение. Герою открывается существование другой системы ценностей, он обращается к библейской заповеди, говорящей о любви к ближнему. Ведь для русского писателя было важно показать не столько падение, сколько исправление героя.

Следует отметить, что в современном литературоведении существуют разногласия по поводу восприятия образов Кроткой и Закладчика. Например, Н.Г. Михновец в комментарии к «Кроткой» называет героиню носителем национального идеала [17, с. 116-121]. Литературовед оправдывает греховный поступок Кроткой, называя её самоубийство

неприятием зла, а смерть с иконой рассматривает в контексте неразрывной связи человеческой и божественной природы. Исправление Закладчика и восхождение к христианскому видению, по мнению исследователя, также возможно.

Противоположной позиции придерживается О.Ю. Юрьева, говоря о парадоксальности с точки зрения религии «жертвенного самоубийства» Кроткой и воскресения Закладчика [20]. Для исследователя отсутствие христианских добродетелей приводит персонажей к гордыне. Однако, с нашей точки зрения, Кроткая сохраняет в себе сущность внутреннего, вечного человека, вынося из ставшего ей тюрьмой дома Образ Богоматери.

Таким образом, Ф.М. Достоевский в рассказе «Кроткая» представляет двусоставную, амбивалентную структуру образа персонажа. В художественном произведении репрезентуются две интерпретации образов Кроткой и Закладчика. Первая возвышает героев, даёт им шанс на воскрешение и вторая – создающая отрицательные коннотации. Русский писатель создаёт смысловую многомерность образов, утверждая, что «любовь к человечеству даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой (курсив автора. – Е. С., А. С.)» [9, с. 49].

Опубликованный в «Дневнике писателя» в 1877 г. непонятный на первый взгляд рассказ Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» семантически наполняется ближайшим историко-философским контекстом и тематически соотносится с большими романами пятикнижия. В «Дневниках» за 1877 год автор размышляет о проблемах и метафизических принципах устройства общества и человека. Уже в первой главе январского номера за 1877 год находим принципиальные мысли Достоевского, получившие развитие в «Сне смешного человека»: «...все споры и разъединения наши произошли лишь от ошибок и отклонений ума, а не сердца. ...Ошибки и недоумения ума исчезают скорее и бесследнее, чем ошибки сердца» [21, с. 5]. В этой же главе Ф.М. Достоевский как важный фактор развития называет «всецелость и духовную нераздельность миллионов народа нашего» [21, с. 9].

Именно о такой земле, в которой нет обособленности личностных миров друг от друга, а есть единение человека с окружающим миром и природой, мечтает Ф.М. Достоевский. По мнению Т.А. Касаткиной, данный рассказ – «это его манифест, текст, где под страшным давлением сжато всё, о чём пространно повествуется в других текстах» [3, с. 299]. Именно в нём видны философские основания и глубинные мысли, лежащие в основе поздних его работ. Фантастический рассказ несёт в себе нагрузку «поучительного» слова «Дневника». Прекрасные и наполненные спокойствием и гармонией жители неба, ведущие безгреховную жизнь, противопоставлены беспокойным и грешным жителям подземелья, которые не готовы к покаю («Бобок»).

В рассказе «Сон смешного человека» представлен мир надземный. Отметим, что в тексте рассказа люди, населяющие неведомую землю, «были восполнены до такой гармонии, были до того обаятельны и прекрасны»; «глаза этих счастливых людей сверкали ясным блеском. Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием»; «...жизнь их была восполнена» [21, с. 115]. Синтагматическая связь лексем «гармония» и «прекрасное» в представленном отрывке говорит о тождественности этих эстетических категорий. Ф.М. Достоевский отмечает, что «Она (красота) есть гармония, в ней залог успокоения» [21, с. 149].

Свою идею писатель включает в сон главного героя. Лингвопоэтический анализ рассказа показывает важное смысловое значение эстетической категории «прекрасное». Для понимания текста рассказа ключевыми являются частотно употребляющиеся слова: прекрасное (9), ужасное (6). В тексте встречается корреляция понятий «прекрасное» и «ужасное». Реальная жизнь героя выражена лексемой «ужасное»: небо было ужасно тёмное; она была отчего-то в ужасе; и стало кругом меня ужасно черно. Ирреальная жизнь (сон) обозначена лексемой «прекрасное»: прекрасные деревья; они (люди) были прекрасны; прекрасны рощи, леса, песни.

Концептуально фантастический рассказ отсылает нас к Э.Т.А. Гофману. Как и у немецкого писателя, у Ф.М. Достоевского иде-

ал заключается в неземном. Оппозиция прекрасное – ужасное коррелирует с оппозицией духовность – бездуховность. Например, в тексте эксплицитно выражены отождествления данных эстетических категорий: «...счастливая, безгрешная земля!», «невинны и счастливы» [21, с. 115]. Развращение героем «прекрасной» земли приводит к оксюморонизации понятий. Лексемы, означающие «прекрасное», теперь предстают в паре с бездуховностью (красота лжи; атом лжи понравился им), а ужасное в паре со словами духовной семантики (ужасная правда; до такого ужаса истинное; стыд возвели в добродетель).

Люди ирреального мира больше не беспечно счастливы, на их лицах появляется горечь и скорбь. Увиденный героем сон выполняет кризисную функцию – герой переосмысливает свою жизнь и решает идти духовным путём, проповедовать ту Истину, которую узрел. Мысли героя резонируют с голосом автора. Прекрасное заключается в любви к ближнему: «...главное – люби других как себя» [21, с. 119]. Герой осознаёт, что только любовь и ненасильственное единение всех способны изменить мир. Не случайно рассказ завершается фразой «А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!» [21, с. 119], свидетельствующей о нравственном перерождении. Н.Н. Арсентьева в комментарии к рассказу отмечает нравственное достоинство героя: «из души его исчезает гордость, обида... он полон решительности исполнить свою пророческую миссию» [17, с. 177].

Уже в ранних произведениях писателя формируется мысль о душевной красоте, которая спасёт мир. Анализ эстетического идеала у Ф.М. Достоевского показывает отождествление двух эстетических категорий – «прекрасное» и «духовное»; глубинное сходство представлений русского писателя и не-

мецких философов. Корреляция прекрасного и ужасного в дальнейшем будет развернута в романах пятикнижия, определяя нравственные критерии, нормы поведения и гуманность мировосприятия персонажей. Смешной в итоге приходит к выводу «я видел Истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» [21, с. 118].

Проанализированный материал позволяет говорить о том, что художественные произведения малой прозы, входящие в «Дневник писателя», становятся кульминационным выражением эстетических идей Ф.М. Достоевского. Писатель в «Дневнике» выступал как живой свидетель и критик настоящего.

В результате анализа фантастической «трилогии» русского писателя «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека», входящих в «Дневник писателя», были сделаны следующие выводы: в рассказе «Бобок» писатель говорит о нравственном падении человека, превращении его в бесплодное зерно. Такие герои не соотносятся с эстетическим идеалом писателя.

В «Кроткой» Ф.М. Достоевский повествует о таком значимом для него христианском качестве, как кротость, которое соотносится с его идеалом. Однако образ героини структурно амбивалентен, в нём объединяются два типа человеческого поведения: гордый и кроткий. Первый возвышающий, второй – принижающий нравственное содержание личности. Такое сочетание обеспечивает смысловую двусоставность образа. Из текста видно, что красота состоит в любви к ближнему. Проявление той самой истины обнаруживается и в «Сне смешного человека», в котором было преодолено столь мучительное противоречие между единичным и общим, между положительно прекрасным человеком и обществом.

Список литературы

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1981. Т. 22. 404 с.
2. *Серебряков А.А., Сычёва Е.О.* Рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок» в метатексте литературы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 187-193.
3. *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
4. *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
5. *Бахтин М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994. 511 с.

6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1981. Т. 23. 425 с.
7. *Степанян К.А.* Идеал у Достоевского и Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 262-271.
8. *Фёдорова Е.А.* Евангельское как родное в «Братьях Карамазовых» и «Дневнике писателя» (1876–1877) Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 304-316.
9. *Ivanits L.* Dostoevsky and the Russian People. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 258 p.
10. *Герик Х.-Ю.* Достоевский и Шиллер. Предварительный опыт поэтологического сравнения // Достоевский: материалы и исследования. 2010. Т. 19. С. 5-15.
11. *Мареева Е.В.* Проблема души в классической и неклассической философии. М.: Академический проект, 2017. 454 с.
12. *Щурова В.В.* «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: типология, жанр, антропология: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 167 с.
13. *Волгин И.Л.* «Дневник писателя» как миросозерцательный проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 116-122.
14. *Баршт К.А.* Повествователь Достоевского: «Зеркальная наррация» и апостольское свидетельство // Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 75-87.
15. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1980. Т. 21. 547 с.
16. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1986. Т. 29. (Кн. 1). 575 с.
17. Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / под науч. ред. Г.К. Щенникова, Б.Н. Тихомирова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. 470 с.
18. *Аллен Л.* «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. 2000. Т. 15. С. 228-237.
19. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1982. Т. 24. 517 с.
20. *Юрьева О.Ю.* Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Достоевского «Кроткая» // Достоевский и мировая культура. 2006. № 21. С. 91-103.
21. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1983. Т. 25. 470 с.

References

1. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridtsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 22, 404 p. (In Russian).
2. Serebryakov A.A., Sycheva E.O. Rasskaz F.M. Dostoyevskogo «Bobok» v metatekste literatury [F.M. Dostoevsky's short story "Bobok" in the metatext of literature]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiky – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2019, no. 4, pp. 187-193. (In Russian).
3. Kasatkina T.A. *Dostoyevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: Artistic Way of Expression]. Moscow, Vodoley Publ., 2019, 336 p. (In Russian).
4. Kasatkina T.A. *Svyashchennoye v povsednevnom: Dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F.M. Dostoyevskogo* [The Sacred in Everyday Life: A Two-Part Image in the Works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, 528 p. (In Russian).
5. Bakhtin M. *Problemy tvorchestva Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Kiev, Next Publ., 1994, 511 p. (In Russian).
6. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridtsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 23, 425 p. (In Russian).
7. Stepanyan K.A. Ideal u Dostoyevskogo i Shekspira [The ideal in Dostoevsky and Shakespeare]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 4, pp. 262-271. (In Russian).
8. Fedorova E.A. Evangel'skoye kak rodnoye v «Brat'yakh Karamazovykh» i «Dnevnikе pisatelya» (1876–1877) F.M. Dostoyevskogo [The evangelical as the native in the "Brothers Karamazov" and in "A Writer's Diary" (1876–1877) by Fyodor Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2015, no. 13, pp. 304-316. (In Russian).
9. Ivanits L. Dostoevsky and the Russian People. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 258 p.
10. Gerik K.-Y. Dostoyevskiy i Shiller. Predvaritel'nyy opyt poetologicheskogo sravneniya [Dostoevsky and Schiller. Preliminary experience of poetological comparison]. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research], 2010, vol. 19, pp. 5-15. (In Russian).

11. Mareyeva E.V. *Problema dushi v klassicheskoy i neklassicheskoy filosofii* [The Problem of the Soul in Classical and Non-Classical Philosophy]. Moscow, Academic Project Publ., 2017, 454 p. (In Russian).
12. Shchurova V.V. «Dnevnik pisatelya» F.M. Dostoyevskogo: tipologiya, zhanr, antropologiya: dis. ... kand. filol. nauk ["A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky: Typology, Genre, Anthropology. Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2005, 167 p. (In Russian).
13. Volgin I.L. «Dnevnik pisatelya» kak mirosozertsatel'nyy proyekt ["A Writer's Diary" as world-building project]. *Voprosy filosofii – Philosophy Issues*, 2014, no. 5, pp. 116-122. (In Russian).
14. Barsht K.A. Povestvovatel' Dostoyevskogo: «Zerkal'naya narratsiya» i apostol'skoye svidetel'stvovaniye [Dostoevsky's narrator: "Mirror narration" and apostolic witness]. *Literaturovedcheskiy zhurnal – Literary Journal*, 2007, no. 21, pp. 75-87. (In Russian).
15. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 21, 547 p. (In Russian).
16. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 29, book 1st, 575 p. (In Russian).
17. Shchennikova G.K., Tikhomirova B.N. (eds.). *Dostoyevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Glossary Directory]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2008, 470 p. (In Russian).
18. Allen L. «Krotkaya» i samoubiytsy v tvorchestve Dostoyevskogo ["A Gentle Creature" and suicides in the works of Dostoevsky]. *Dostoyevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research], 2000, vol. 15, pp. 228-237. (In Russian).
19. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, vol. 24, 517 p. (In Russian).
20. Yuryeva O.Y. Bunt protiv tiranii i tiraniya bunta v rasskaze Dostoyevskogo «Krotkaya» [Revolt against tyranny and the tyranny of the revolt in Dostoevsky's story "A Gentle Creature"]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and World Culture], 2006, no. 21, pp. 91-103. (In Russian).
21. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh* [Complete Works in Thirty Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 25, 470 p. (In Russian).

Информация об авторах

Сычёва Елена Олеговна, ассистент кафедры отечественной и мировой литературы. Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация. E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Вклад в статью: идея, концепция исследования, общая концепция статьи, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0780-5525>

Серебряков Анатолий Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной и мировой литературы. Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация. E-mail: aasereb@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, написание части текста, обобщение опыта исследователей.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Сычёва Елена Олеговна
E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.03.2020 г.
Поступила после рецензирования 04.05.2020 г.
Повторное рецензирование 20.05.2020 г.
Принята к публикации 22.05.2020 г.

Information about the authors

Elena O. Sycheva, Assistant of Russian and World Literature Department. North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation. E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Contribution: idea, study conception, main study conception, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0780-5525>

Anatoly A. Serebryakov, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Russian and World Literature Department. North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation. E-mail: aasereb@mail.ru

Contribution: literature search and analysis, part of manuscript text drafting, synthesis of researchers experience.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1059-8328>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Elena O. Sycheva
E-mail: Lenasycheva@yandex.ru

Received 12 March 2020
Reviewed 4 May 2020
Second peer review round 20 May 2020
Accepted for press 22 May 2020